

ки, жизнь и поведение, такъ сказать, и общества и государства» (стр. 6—7 я брошюры).—Да, Евангелие должно быть основой всей жизни. Но откуда же это видно, что «и общество, и государство, какъ и личность имѣютъ свою правду, ровно какъ и свою неправду»?.. Неужели то самое, что для личности самой въ себѣ *правда*, то для той-же личности, какъ члена общества, будетъ неправдою, а для той-же личности, какъ члена государства, будетъ и еще чѣмъ-то? Неужели-же для личности самой въ себѣ будетъ правдою одно, для той же личности, какъ члена общества, правдою будетъ другое, какъ члена государства, правдою будетъ третье, а какъ гражданина вселенной—четвертое?.. Сколько-же это наберется правдъ въ такомъ случаѣ? Отдалъ-ли себѣ отчетъ самъ Гр. Петровъ въ томъ, что онъ говоритъ?—Христианство, перерождая человѣка, дѣлаетъ его цѣльнымъ, христианинъ одинъ и тотъ-же, какъ самъ съ собою, такъ и въ отношеніи къ другимъ; кто самъ съ собою таковъ, а въ отношеніи къ другимъ иной, это уже не христианинъ, образецъ которому указанъ Христомъ въ дитятѣ;—основная же черта дѣтства есть искренность, т. е. цѣльность. *Дитя, не только не понимающее* еще ни ранговъ, ни чиновъ, ни всѣхъ отличий, установившихся въ царствія Божія, разрушившихъ родство, возникшихъ на его развалинахъ, *но и сознающее* свое родство со всѣми безъ различія положеній, *не знающее* ничего, въ родства заключающагося, и потому готовое на услуги всѣмъ безъ соображенія пользъ, выгодъ, безъ всякаго лицепріятія,—*дитя* обладающее такими свойствами, уясняетъ ученикамъ, почему царство Божіе принадлежить дѣтямъ и въ чемъ они, взрослые, должны уподобиться дѣтямъ, что-бы сдѣлаться членами этого царства; уподобиться-же дѣтямъ значитъ сдѣлаться сыномъ человѣческимъ, или вновь родиться имъ. «Когда мы были малы, всѣ люди были для настъ братьями и сестрами нашихъ отца—и матери (дяди и тетки); такъ и говорили намъ наши родители, вынужденные примѣнятъся къ дѣтскому пониманію, вовсе не подозрѣвая при этомъ, что вынужденное приспособленіе возвращаетъ и ихъ самикъ къ первоначальной истинѣ и благу. А если для дитяти (отрока) всѣ люди братья и сестры его отца и матери, то кто-же онъ самъ, какъ *не сынъ человѣческий*? Изъ этого становится понятнымъ, почему родственность есть критерій общаго дѣла (братскаго, сыновняго, отеческаго,—братство сыновъ въ дѣлѣ спасенія, воскрешенія отцовъ, и братство отцовъ въ дѣлѣ воспитанія сыновъ), изъ этого становится понятнымъ, почему Евангелие дѣлаетъ дѣтское чувство условіемъ вступленія въ Царство Божіе. Ибо что такое христианство?—Оно есть Евангелие, т. е. благоіестіе Царства Божія, всеобщаго спасенія, которое, по евангельскому ученію, нужно искать прежде всего. Кому же принадлежитъ Царство Божіе?—Дѣтямъ и тѣмъ, которые, достигши совершеннолѣтія, сохранили дѣтское чувство. Возрожденіе (*родится свыше* —въ разговорѣ съ Никодимомъ) есть тоже возвращеніе къ дѣтскому чувству» (стр. 58-я «Философія Общаго Дѣла»).—Итакъ, христианство, перерождая человѣка, возвращая его къ дѣтскому чувству родства со всѣми, вносить во всѣ отношенія людей одно родственное чувство, т. е. любовь, отвергающую все юридико-экономическое; и для христианства нѣтъ разныхъ мѣрокъ, какъ это думаетъ Гр. Петровъ, и всякия отношенія между